

«Кавказские Горцы»,

Я. Абрамов,

«Материалы для истории черкесского народа»,

Северо-Кавказский филиал традиционной культуры

М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящий труд Я. АБРАМОВА "Кавказские горцы", впервые помещенный в журнале "Дело" № 1 за 1884 год. Общество издает как материал, беспристрастно излагающий события выселения горских племен с Кавказа, и гибель горской культуры в связи с политикой русского царизма на Кавказе в 60-80 годы XIX столетия.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ.

Медленно, очень медленно шел поезд ростово-владикавказской железной дороги. Путь был размыт во многих местах весенними разливами наших степных «балок», совершенно пересыхающих летом, но за то бурно бушующих весной. Никаких работ к исправлению пути не принималось, так как в то время, когда я ехал по железной дороге, — конец мая, — рабочие руки здесь очень дороги, а железнодорожники решили чинить «полотно» только осенью, дешевыми руками. Теперь-же только кое-как были положены шпалы и рельсы, слегка уравнено полотно, а кое-где насыпь заменялась какими-то клетками из шпал, по которым поезд шел с мучительной, заставлявшей страшно биться сердце пассажиров, медленностью. Не было видно, на всем протяжении пути, ни малейшего признака намерения серьезно исправить повреждения, и только изредка попадались один-два рабочих, напрасно пытавшихся где-нибудь в глубине балки засыпать громадные, образованные половодьем пропасти.

Только что начиналось утро. Я проснулся от толчка соседа, который ехал по ростово-владикавказской дороге в первый раз, и от медленной езды испытывал какую-то жуткость. Я поспешил успокоить пугливого соседа, сообщив ему, что состояние полотна дороги каждый год одинаково печально, а между тем со времени открытия дороги, в течении десяти лет, было всего два-три «серьезных» случая, с десятками убитых и раненых. Чтобы определить, где мы находимся, я выглянул в окно вагона и увидел перед собою Татарскую гору. Тогда, чтобы окончательно успокоить своего спутника, я предложил ему выйти на площадку вагона и полюбоваться странным феноменом, каким является Татарская гора. Солнце еще не всходило. Заря тоже только начинала алеть на дальнем востоке. Царил полумрак, при котором очертания предметов различались несовсем ясно, словно приходилось смотреть сквозь синие очки. В воздухе еще чувствовалась ночная свежесть, но в то-же время с востока неслись теплые воздушные волны, которые, ударяясь о тело, вызывали в нем чрезвычайно-приятные ощущения.

Мы смотрели на стоящую перед нами Татарскую гору. Странная это гора. На совершенно ровной местности вдруг выдвигается отдельный, не стоящий ни в какой связи

с какими-либо горными кряжами, холм, чрезвычайно узкий и чрезвычайно высокий, высота которого превосходит ширину его основания, — и вся эта длинная землянная колонна венчается громадной каменной шапкой. Бока Татарской горы покрыты жалкой степной растительностью, вершина представляет совершенно обнаженный камень, а у подножья расположился маленький Султановский аул. Странное впечатление производила эта выпяченная из земли, словно сосец, гора, с разу уничтожая все установившиеся понятия о постепенности перехода из одного рода местности в другой. Мне уже неоднократно приходилось бывать в здешних краях, и тем не менее я всегда смотрю на Татарскую гору с особенным чувством восхищения и неудовлетворенного любопытства. Спутник-же мой, в первый раз попавший сюда, просто не мог оторвать глаз от чудной картины и страшно досадовал на поезд, который, хотя медленно, но уносил нас от Татарской горы.

Когда это странное явление природы исчезло из наших глаз, мы стали осматриваться по сторонам; степь привольная, бесконечная как и прежде, тянулась по обеим сторонам рельс. Промелькнули два-три аула, станица — и только. Изредка попадались засеянные поля, скошенное сено и стада. Все говорило о малой культурности края, о малой заселенности его, хотя некогда прежде этот край кормил очень и очень большое население. Предаваться на эту тему размышлениям, впрочем, было некогда, так как на горизонте показались очертания пятигорских гор, что означало близость цели путешествия — станции «Минеральные воды», а затем Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Железноводска.

Пятигорские горы, подобно Татарской горе, тоже «выпячиваются» из земли. Но они далеко не производят такого впечатления, потому что их обыкновенно приходится видеть после Татарской горы, и потому еще, что форма каждой из них далеко не напоминает той странной колонки, какою является Татарская гора: основания пятигорских гор во много раз превосходят их высоты. Тем не менее, на пятигорские горы смотришь с любопытством и удовольствием, которые становятся тем сильнее, чем ближе подходит поезд и чем ярче выступает растущий на их боках лес, отливающий какую-то особенно прелестною зеленью и прерываемый огромными камнями, которые на зеленом фоне горы образуют разнообразные серовато-белые сочетания. Горы эти имеют такой прелестный вид, что на них сосредотачивается общее внимание, вплоть до той минуты, когда поезд останавливается и раздается крик кондуктора:

- Станция Минеральные воды! Поезд стоит тридцать минут!

II.

Началась суматоха. Одни поспешно выносили вещи из вагона; другие также поспешно лезли в вагон. Толкали друг друга, кричали, ругались. Я имею счастливую привычку ездить без багажа и потому, как только поезд подошел к станции, спрыгнул с площадки вагона на платформу. Осматривая толпу суетившихся и бегавших по платформе, в надежде встретить знакомое лицо, я невольно, обратил внимание на группу людей, совершенно не принимавших участия в общей суете, хотя, судя потому, что у них в руках и вокруг них были их пожитки, они должны были отправиться с этим-же поездом.

Это были кабардинцы. Тут были дети, женщины, взрослые мужчины, старики. Дети были довольно оборванные. Женщины в обычных туземных костюмах; в шароварах и с закрытыми лицами. Мужчины были одеты в черкески и при оружии. Но всего больше выделялись из толпы старики. Их было более десятка. Это были достойные представители всего племени. Высокие, стройные, несмотря на свою старость, в живописных кавказских костюмах, с большими седыми бородами, с умными, выразительными лицами, они производили импонирующее впечатление и внушали невольное уважение к себе. Их лица дышали благородством и сознанием своего личного достоинства; было ясно, что эти люди умеют постоять за свое личное достоинство, но в то-же время умеют уважать и в другом

это достоинство. В толпе своих более молодых соплеменников они казались настоящими патриархами. Это были живые памятники того времени, когда кабардинец не подчинялся ни русскому чиновнику, ни своему «князю» и когда для него, единственным законом являлись его собственные понятия о правде и неправде.

Группа кабардинцев стояла совершенно неподвижно, словно окаменелая. Их лица были угрюмы, глаза горели, губы были судорожно сжаты. Видно было, что какое-то общее горе тяготело над этой толпой, но она сдерживалась и не хотела выказать свои страдания перед русскими, гяурами, на которых из толпы бросались далеко недружественные взгляды.

Крайне заинтересованный представившеюся мне сценою, я поместился не далеко от толпы кабардинцев и стал наблюдать за нею. Через несколько времени к толпе подошел кондуктор и закричал:

- Ну, татарва! идите занимать места... вон в тот вагон...

Вслед за этим произошло нечто неопишное. Дети и женщины заголосили, хватаясь друг за друга, взрослые мужчины зарыдали, старики бросились на землю, стали ее целовать и поливать своими слезами. Эта ужасная сцена продолжалась минуты две; затем вся толпа быстро бросилась в указанный вагон и скрылась в нем. Оттуда послышались глухие рыдания.

На меня эта непонятная сцена произвела чрезвычайно сильное впечатление. Не понимая ее значения, но в то-же время будучи тронут до слез этим бурно проявившимся выражением горя целой толпы людей, я растерянно осматривался по сторонам, как-бы ища человека, который-бы мог объяснить мне, что все это значит. Стоявший недалеко от меня крестьянин, повидимому, заметил мое недоумение и как-то лениво произнес:

- Переселенцы это... в Турцию, значит, едут,— ну и прощаются с родной землей... Знамо жалко: это хоть на кого придись...

Мне стало все ясно...

III.

Да, это были переселенцы в Турцию. Я неоднократно слышал о переселениях в Турцию кавказских горцев; приходилось мне видеть и лиц, собиравшихся в это переселение. Но никогда еще не видел самого момента расставания переселенцев с родною землею и никогда так ясно не понимал как тяжело этим несчастным покидать родную сторону.

Странное дело: в то время как из внутренних губерний масса переселенцев стремилась на Кавказ, несмотря на то, что непривычный климат губит их здесь чуть не на половину, — коренное население Кавказа бежит в Турцию...

Переселение кавказских горцев в Турцию — явление далеко не новое оно началось еще в конце 50-х годов. Связь горцев с Турцией была давнишняя. Это была связь политическая, религиозная, торговая. Турки имели крепости на берегу Черного моря, откуда горцам доставлялись военные принадлежности и деньги. Значительное число горских племен номинально подчинялось Турции. Союз скреплялся общою борьбою с одним и тем-же врагом — русскими. К этому присоединялось единство религии и признание турецкого султана религиозным главою всего мусульманского мира. Единственные торговые сношения, которые вели горцы, были с Турцией. При турецком дворе постоянно фигурировали черкесские князья, а в гаремах — черкешенки. Часто те и другие отлично устраивались в Порте и, иногда получая большую силу, приглашали к себе оставшихся в горах родичей; такие временщики не находили слов для описания прелестей жизни в Турции. Среди горцев издавна составилось и сохранилось крайне преувеличенное представление о могуществе султана и о богатстве Турецкой империи. В своей борьбе с Россией горцы постоянно рассчитывали на турецкую помощь и до известной степени получали ее. Когда-же после Крымской войны борьба с русскими для горцев сделалась совершенно невозможною и им приходилось покориться России,

естественно, что среди них нашлись люди, решившиеся переселиться в Турцию, жизнь в которой представлялась им в самом розовом свете, и навсегда покинуть свои горы, лишь-бы только не покоряться неверным, гаурам.

Лишь только кончилась крымская война и Россия могла направить все усилия на окончательное покорение Кавказа, как начались переселения кавказских горцев в Турцию. Сначала это движение началось на западной части Кавказских гор, прилегающей к Черному морю, жители которой издавна имели непосредственные торговые и иные сношения с Турцией. Шли почти исключительно богачи и члены туземной аристократии с своими присными. В таком виде переселение не имело особенного значения ни для Кавказа, ни для Турции. Но в таком скромном виде переселение горцев оставалось не долго и скоро перешло в выселение целых народностей. Выселились — джигиты, убыхи, шапсуги, натахайцы, абадзехи, абазинцы, башильбаевцы, тамовцы, кизыльбековиы, шахгиреевцы, баговиы, егерукаевцы и темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, бжедухи и закубанские ногойцы. Всего выселилось с 1858 по 1865 год, только по официальному счету, 493,194 душ, причем много горцев выселялись без ведома русского правительства и, стало быть, в официальный счет не попало.

Такие громадные размеры переселенческое движение горцев приняло, благодаря некоторым приемам русской политики. Из официальных документов, содержание которых опубликовано председателем кавказской археографической комиссии, г. Берже видно, что в это время кавказские деятели решились радикально изменить прежнюю систему борьбы с горцами и поставили себе две цели: с одной стороны ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению горцев в Турцию и даже прямо вызывая его, а с другой — выселить всех остающихся горцев из гор на плоскость, а места, занятые прежде горским населением, заселить казачьими станицами. Для достижения указанных целей, всякий раз, когда какое-либо горское племя Западного Кавказа покорялось русскому оружию, перед ним категорически ставилась диллема: или переселиться к Кубани и безусловно подчиниться русскому управлению, или выселиться в Турцию. Прикубанские болота, отводимые горцам, могли всего менее прельстить их; представления о русском управлении, которому горцев приглашали безусловно подчиниться, слагались у них на основании действий получивших историческую известность чиновников; неудивительно поэтому, что горцы предпочитали бегство в Турцию выселению на плоскость. К тому-же их прямо подстрекали к переселению в Турцию: обещали казенную помощь, допускали к ним турецких эмисаров, приглашавших переселяться, принимали и другие меры, как это мы увидим ниже, говоря о переселении чеченцев.

Горцы, уходя с своих мест поселения, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и не убранные нивы. Все это досталось поселившимся на месте горцев казакам. Сами-же горцы, без всякого имущества, скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также отчасти заарендованные специально для этой цели русским правительством суда. Но так как всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев пришлось ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединялся холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосет ребенок; другой - о матери-же, носившей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей растаться с ними; третий - о целой груде человеческих тел,

прижавшихся друг к другу, в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших, и т.д.

Помощь, оказанная переселенцам казною, была очень ограничена. Всего издержано по переселению горцев 289,678 р. 17 к. Большая часть этой суммы подала на уплату судовладельцам за провоз переселенцев — и только незначительные суммы были отпущены на пособие переселяющимся. Но и эта помощь не всегда доходила до нуждающихся, так как и это дело, как и все, совершавшееся тогда на Кавказе, сделалось «доходною статьею» для чиновников. Даже официальная комиссия, проверявшая счета по переселению горцев, нашла многие представленные ей квитанции «сомнительными». Местное-же предание, сохранившееся среди русского населения, передает ужасные вещи. Так, по преданию, многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведывающих делом лиц. Предание это, — если принять жесткость нравов тогдашнего кавказского чиновничества и такие факты позднейшего времени, как сапоги, с картонными подметками у сидевших на Шипке солдат, — очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатированы случаи затопления барок с горцами «от бурь».

С такими ужасными лишениями добивались горцы возможности сесть на суда. Но на пути бедствия горцев не уменьшались. Их набивали на суда до последней возможности. Теснота и давка с присоединением недостатка съестных припасов производили страшный мор среди переселенцев. Но, наконец, они достигали турецкого берега — и здесь их ждало главное разочарование.

Сначала Турция принимала черкесов очень охотно. Большинство первых переселенцев были люди состоятельные и никаких особенных забот о себе не требовали. К тому-же все черкесы были от природы воины — и это было очень на руку туркам, видевшим в этом обстоятельстве возможность пополнить ряды своего войска. Турецкое правительство мечтало о поселении черкесов среди христианских народностей Балканского полуострова, чтобы они были постоянными представителями турецкого режима для этих народностей и постоянною грозою для них. Но когда стремление к переселению охватило целые кавказские народности и в Турцию прибыли тысячи горцев, то оказалось, что у турок не было ни средств для содержания этой массы людей, ни умения более или менее сносно устроить их. Черкессы, высаживаясь на турецкий берег, не встречали ни материальной помощи, ни указаний куда идти и где поселиться. Большею частью они становились лагерем на том самом месте, где высаживались, и здесь бедствовали по несколько лет. В каких ужасных условиях находились черкесы, высадившись на турецкий берег, можно видеть из следующих данных, которые сообщал в письме от 10 июня 1864 года русский консул в Трепизонде генералу Карцеву. В Батум прибыло, - писал консул, около 6,000 черкесов, — смертность 7 человек в день; в Трепизонде высадилось 247,000, из них умерло 19,000 душ; ко времени написания письма оставалось в Трепизонде — 63,290 черкесов и из них умирало 180-250 человек в сутки; в Самсуне и окрестностях было 110,000 душ, ежедневная смертность достигала 200 человек; из 4,650 человек, отправленных из Трепизонда в Константинополь и Варну, умирало в день 40-60 человек; всего с начала переселения до мая 1864 года из прибывших в Трепизонд переселенцев умерло более 30,000 человек.

В таких ужасных условиях очутились черкесы в пределах турецких владений, которые раньше казались им каким-то обетованным раем. Мало-по-малу, однако, переселенцы были размещены по разным, частям Турции, преимущественно на Балканском полуострове, но в то-же время были поставлены в самые ненормальные условия; они не получили ни определенных участков для жительства, ни каких-либо ресурсов для поддержания своего существования. Озлившиеся от целого ряда бедствий, одичавшие, изголодавшиеся, они волею - неволею должны были вести постоянную войну с местными жителями, сделаться отчаянными разбойниками, чтобы как-нибудь существовать. К тому-

же, всю накопившуюся у них злобу против русских, гяуров, выгнавших их из родных гор, они перенесли на таких-же гяуров, соплеменных русским-балканских славян. Таким-то образом создавался тот ужасный тип башибузука, который причинил столько ужасных страданий болгарскому народу и так памятен и нам, русским. Филлипополь-ская резня и другие подобные ей события готовились именно еще в первой половине 60-х годов. Такова одна сторона последствий выселения горцев в Турцию, но не менее печальны эти последствия и с другой стороны. Места, прежде занятые многочисленным горским населением, пустуют до сих пор. Только незначительная часть этой местности занята казачьими станицами, а другая роздана разным чиновникам и нечиновным культуртрегерам. Казачье население, однако, оказалось очень непригодным для условий горной местности и его приходилось, и отчасти приходится и теперь, содержать на казенный счет. Многие станицы пришлось даже упразднить, так как русскому населению оказалось совершенно невозможным жить в местах, занятых этими станицами; так: в одном 1868 году состоялось упразднение целых 12 станиц Кубанской области, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата», как сказано в официальном приказе. Земли, розданные в частную собственность, также остаются до сих пор совершенно пустыми и некультивированными. Наконец, огромные пространства, прежде занятые горцами, не вызывают, даже ни в ком желания приобретения: так мало кажутся они пригодными для культуры. А между тем эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы. Теперь-же превосходнейшие нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных скалах, заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры. Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли. И только одичавший виноград, встречающийся по склонам гор, да редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о деятельной жизни, царившей в этом крае, превратившемся ныне в пустыню, и о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны, превратившихся впоследствии в диких башибузуков.

С половины 60-х годов взгляд кавказских властей на значение переселения черкесов радикально изменяется: предвидя, что этим путем все Закубанье превратится в совершенную пустыню, подобно тому как уже случилось с Черноморским округом, местная власть стала всячески затруднять переселение черкесов в Турцию, а в 1867 году безусловно запретила выезд горцев за границу. Стремление к выселению однако, не исчезало среди черкесов, даже тех, которые сначала подчинились безусловно русской власти и выселились из гор в Кубанские болота. Не останавливали их и доходившие до них известия об ужасном положении переселенцев в Турции. Таким образом, всякими правдами и неправдами еще в 1873 году выехало в Турцию несколько сот черкесских семейств. Но когда в том-же году остававшиеся на Кавказе бжедухи и абадзехи просили позволения выселиться поголовно, им это не только было запрещено, но наиболее влиятельные из них были арестованы и сосланы. Когда-же они тем не менее настаивали на своем желании, против них были двинуты войска и они силою оружия были остановлены на местах своего поселения. Этот факт прекратил переселения горцев Западного Кавказа в Турцию, исключая, конечно, единичных случаев.

На Восточном Кавказе дело выселения горцев в Турцию было поставлено несколько иначе. Частные переселения начались здесь также с пятидесятых годов. Выселялись кабардинцы, осетины-мусульмане, чеченцы, дагестанцы. В Дагестане была даже установлена до 1873 г. особая норма численности переселенцев, которым дозволялось выселяться легальным образом. Именно ежегодно 150 семействам выдавались паспорта на путешествие в Мекку и Медину и затем им объявляли, что, по выходе за русскую границу, их уже не впустят обратно. Самое большое число горцев Восточного Кавказа выселилось в Турцию в 1865 году и было вызвано к тому чисто искусственным путем. Здесь руководствовались тем-же принципом, под влиянием которого было произведено изгнание горцев Западного Кавказа. Хотели ослабить чеченское племя, которое казалось

наиболее опасным из всех восточно-кавказских народностей. С этой целью был отправлен в Константинополь чеченец, полковник русской службы, Муса Кундухов, для переговоров с турецким правительством от имени чеченского народа относительно переселения в Турцию. Турецкое правительство изъявило согласие отвести новым переселенцам землю в Малой Азии. Возвратившись во Владикавказ, Муса Кундухов получил в награду несколько десятков тысяч рублей, с обязательством вызвать переселение 5,000 чеченских семейств. К этому делу тем-же путем были привлечены еще двое влиятельных чеченцев. Эти «агитаторы» стали подстрекать чеченцев к выселению, рисуя самыми мрачными красками их будущность под русскою властью и расписывая прелести жизни в Турции. Для большего убеждения Кундухов и его товарищи отправили прежде всех в Турцию свои семейства. Были пущены в ход и другие, более решительные средства. На сколько переселение чеченцев было всецело делом рук местной власти, можно видеть из того, что стремление к переселению охватило именно то самое количество чеченских семейств, выселить которое решено было заранее и те самые отрасли чеченского народа, которые казались местной власти самыми опасными. Всего двинулось в переселение 5,008 семейств, состоявших из 22.491 душ. Переселенцы несколькими партиями отправились через Закавказье в Турцию. Здесь с ними повторилась та-же история, что и с черкесами Западного Кавказа: не было приготовлено ничего для приема переселенцев; они болели, голодали и умирали массами, земли, отведенные им, оказались никуда негодным камнем и песком и т. д. Большинство переселенцев от этих бедствий повернуло назад к русской границе. Они изъявляли безусловную покорность русской власти, соглашались нести воинскую повинность, предлагали даже принять православие, лишь-бы им позволили возвратиться в родные горы. Принципы тогдашней нашей политики на Кавказе предписывали, однако, совсем другое, и чеченцев отогнали от границы выстрелами. Кроме того, по требованию русского правительства, турки отправили против чеченцев войско, которое артиллерийскими выстрелами заставило их отправиться на отведенные им земли.

В следующем 1866 году предполагалось отправить в Турцию новые массы чеченцев, но турки отказались принять их, находя, что и с прежними переселенцами слишком много хлопот.

Положение чеченцев, переселившихся в Турцию, оказалось крайне ужасным: поселенным в совершенно безводной пустыне, им приходилось или бежать с мест поселения, или умирать. Они делали и то, и другое. Так как открыто их не пускали через русскую границу, то они проходили ее тайно, небольшими партиями и затем проселочными дорогами направлялись в Чечню. Их, конечно, перехватывали по дороге, иногда в Закавказьи, а иногда уже во Владикавказе и, большею частью, высылали обратно в Турцию. Несколько сот человек этих беглецов, однако, получили позволение возвратиться в Чечню. Эти выходцы из Турции принесли с собою, между прочим, семена турецкого табаку и знание табачной культуры: от них то и началось разведение табаку в Чечне, которое ныне приняло здесь очень значительные размеры.

Оставшиеся в Турции чеченцы оказались в таком ужасном положении, что к 1871 г. их осталось всего около 10.000 человек, остальные перемерли.

Таков был печальный финал этой печальной, с самого начала, истории.

IV.

Меня всегда занимал вопрос о том, из каких побуждений кавказские администраторы устраивали выселения кавказских горцев в Турцию? Официальный историк этих выселений, г. Берже, объясняет дело так, что изгнание горцев было вызвано их постоянными разбоями, что усмирить их не было никакой возможности иначе как, или истребить совершенно, или выселить из гор на плоскость или в Турцию. Обращаясь, однако, к фактам, из которых некоторые сообщаются тем-же официальным историком, мы находим, что не «гениальный план» заселения казаками занятых горцами местностей и

изгнания последних из гор является следствием разбоев горцев, а наоборот самые разбои явились следствием «гениального плана». Известно, напр., что, при изъявлении покорности чеченцами

в 1857 г., тогдашний главнокомандующий на Кавказе, князь Барятинский, издал прокламацию, в которой сказано, что земли, занятые чеченцами в момент принесения покорности, останутся вечным достоянием чеченского народа. Прокламацию эту чеченцы берегут и хранят как зеницу ока и к ней всегда апеллируют. Между тем, вопреки этой прокламации, значительная часть чеченской земли была отведена под поселение казачьих станиц, а также роздана кумыкским князьям и другим лицам. Все население чеченского округа, состоявшее из 81,360 душ, «стеснилось» (выражение г. Берже) на пространстве 76 квадратных миль, и на каждую семью приходилось всего 5—10 десятин (расчет того-же г. Берже). Не говоря уже о нравственной обиде, которую должны были чувствовать чеченцы, оставленное им количество земли положительно не давало им возможности существовать, особенно если принять во внимание, что в то время чеченцы вели исключительно скотоводческое хозяйство. Вот и объяснение происхождения разбоев. Сам г. Берже очень наивно проговаривается на этот счет. Именно, говоря о выселении чеченцев в 1865 году, он сообщает, что русские власти прежде всего решились выселить «всех карабулаков (одно из подразделений чеченского народа), в числе 1,500 семей, которые всегда слыли за *отъявленных разбойников*, и которые притом, будучи стеснены поселением на их землях 2-го Владикавказского казачьего полка, почти *не имели других средств к существованию, кроме хищничества*»*. Кажется ясно...

Еще более интересовал меня вопрос о причинах современного переселения кавказских горцев в Турцию. Ежегодно значительное число кабардинцев, чеченцев и дагестанцев распродает все свое имущество, конечно, за бесценок, берет иностранные паспорта «для свидания с родственниками в Турции» или для поклонения гробу пророка в Мекке и затем бесследно исчезает с кавказского горизонта. Иногда некоторые из этих лиц снова появляются через несколько лет на родине обнищавшие до последней возможности и проклинающие день, в который им пришла в голову несчастная мысль искать счастья на чужбине. Это обстоятельство, однако, нисколько не влияет на остальную массу горского населения, которое продолжает ежегодно выделять из своей среды значительное число переселенцев.

Прошло уже от 25 до 27 лет с тех пор, как горские народы Кавказа покорились русской власти. За это время успело уже народиться целое поколение, которому пришлось жить под русскую власть с самой колыбели и которое, казалось-бы, должно привыкнуть к новым условиям жизни. А между тем туземцы кавказских гор до сих пор предпочитают бросать родину как это им ни тяжело, и уходят в Турцию, как ни скверно живется им там. И с течением времени это движение не только не ослабевает, но еще усиливается, как это, например, имело место во второй половине 1883 года. Что-же означает это явление?

Проводя три последние лета в Терской области, я неоднократно задавал вопрос о причинах современного выселения горцев членам администрации, местным ученым и просто обывателям. Большинство из них в ответ говорили о дикости горцев, о том, что, по общему историческому закону, при столкновении двух народностей менее культурная должна неминуемо так или иначе погибнуть, о лености, нерадении и тупости туземцев Терской области и т. п. Действительно, таково ходячее наиболее распространенное мнение о причинах выселения горцев. Но, присматриваясь ближе к делу, я убедился, что все приведенные lamentации, направленные против горцев, не имеют решительно никаких оснований в действительности.

Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нацией придется признать именно русских. Я уже

* "Русская Старина", 1882 № 10, стр. 16.

говорил о запустении под русским владычеством огромных пространств на Западном Кавказе, которые были покрыты прежде горскими нивами, лугами и виноградниками. Тоже явление приходится наблюдать и в Терской области. Все три лета, которые я провел здесь, я жил по несколько времени в Нальчике, русской слободке, и в тоже время в центральном пункте Большой Кабарды, и здесь мне пришлось вволю насмотреться на то, с каким бесстыдством русские истребляли продукты кабардинской культуры и многолетнего труда. Около самого Нальчика находится так называемый «Атажукин сад», от которого теперь остались только жалкие остатки. Это был один из тех громадных садов, подобные которым можно встретить только на Кавказе. Это был сад — лес. Он разделялся на две части, из которых одна представляла полукруглую террасу, довольно круто спускающуюся в долину, а другая — самую долину, по которой протекает река Нальчик. Терраса была искусственно разделена на несколько малых террас, которые, представляя каждая правильный полукруг, возвышались друг над другом порогами. Все эти террасы были превращены в великолепные виноградники. Нижняя часть сада была засажена самыми разнообразными плодовыми деревьями — грушевыми, яблонями, «шишками», лычею, вишнями, черешнями, барбарисом, персиком, тутовником и т. д. Были здесь великолепные аллеи из лип и акаций, была превосходная круглая лужайка, обсаженная огромными персиками и туковыми деревьями, и т. д. Для поливки виноградников и некоторых частей нижнего сада был проведен из-за нескольких верст канал. В таком виде находился сад в кабардинских руках. Совсем иной вид получил он с тех пор, как русские получили возможность хозяйничать в нем. Канал заброшен. Виноградники не обрабатываются и зеленые лозы одичавшего винограда скашиваются на корм скоту, вместе с травой, которою заросли террасы. Плодовые деревья молодые вырыты и пересажены в обывательские сады, а более старые срублены на топливо. Липовые и акациевые аллеи истреблены самым беспощадным образом и я лично был свидетелем того, как истреблялись остатки этих аллей, причем в этом расхищении общественного достояния не церемонились принимать участие наиболее интеллигентные члены местного русского населения. Один из этих «интеллигентов», вырубивший много липовых и акациевых деревьев, чтобы не покупать дров, на мой вопрос о том, не чувствует-ли он некоторой неблагоприятности в своем поступке, ответил мне, что «здесь этим деревьям стоять *не полагается*». Громадные деревья, входившие в состав великолепного «круга», тоже большею частью вырублены, а оставшиеся потеряли боковые ветви и полузасохли. В настоящее время «Атажукин сад» представляет огромное заброшенное пространство, заросшее мелким вишняком, колючим кустарником и сорными травами, и только кое-где остались большие деревья, напоминающие о прежней кабардинской культуре. Несомненно, однако, что участь и этих памятников старины очень непрочна.

Верстах в 7 — 8 от слоб. Нальчика, вверх по реке того-же имени, некогда был кабардинский аул, а при нем рос прекрасный сад, значительно превосходивший своими размерами «Атажукин». Сад этот подвергся такому-же расхищению со стороны русских, как и «Атажукин», и в настоящее время представляет еще большую мерзость запустения, чем последний.

Такова здесь русская культура, и образцы этой культуры можно видеть повсюду в Терской области. Лицам, говорящим о некультурности горцев и недостатке у них трудолюбия, следовало-бы обратить внимание на эти факты, а также на некоторые другие, характеризующие степень культурности и трудолюбия кавказских туземцев, каковыми фактами могут служить: развитие у горцев архитектуры, образцы которой можно видеть на башнеобразных зданиях Горной Осетии или на башнях по военно-грузинской дороге; скотоводство у горцев вообще и карачаевцев в особенности, ухитрившихся развести огромные стада рогатого скота на неприступных высотах у подошвы Эльборуса; на ирригацию на Кумыкской плоскости, отчасти у чеченцев и в «особенности в Закавказьи, ирригацию, подобную которой русские здесь никак не могут устроить, несмотря на содействие научной техники и капитала; на широкое распространение среди горцев

кустарных промыслов, на превосходнейшие местные кустарные изделия из шерсти, шелка и металлов, и т. д. Останавливаться на всех перечисленных фактах я не буду, так-как это завело-бы нас слишком далеко от предмета статьи — выселения горцев. Не могу, однако, не поговорить об одном предмете, знакомство с которым даст читателю понятие и о горской культуре, и о трудолюбии горцев, а вместе с тем покажет, насколько должны быть серьезны причины, изгоняющие горцев из родной страны на чужбину. Я говорю о земледелии в горах.

V.

Кавказские горы имеют мало терасс, пригодных для земледелия. Большая часть площади, занятой горами, состоит из крутых стремнин и спусков, на которых может расти только лес и мелкая трава. Во многих-же местах бока гор настолько круты, что текущими во время таяния снега или дождей ручьями с них сносится малейшая песчинка земли, и бока эти представляют собой сплошной очищенный камень. Пашни, даже на менее крутых склонах, невозможны, так как неминуемо уничтожались-бы при первой весне или даже при первом сильном дожде. Вот почему горные пастбища и леса, почва которых держится на склонах гор благодаря корням растений, не могут быть обыкновенно обрабатываемы в пашни. Для этой цели могут служить только немногие, редкие клочки земли, случайно представляющие не особенно большой наклон, настолько небольшой, что на нем может держаться искусственно созданная почва, конечно, при помощи различных сооружений. Такие клочки земли дорого ценятся и нарочно разыскиваются. Отыскав такой участок земли, горец очищает его от камней и устраивает снизу стену, часто из собранных на участке-же камней. Затем он направляет течение какого-нибудь горного ручья на избранный участок. Ручей оставляет на участке мелкие камешки и песок и, таким образом, выравнивает его и вместе с тем создает подпочву участка. Тот же ручей, протекая сквозь отверстия между крупными камнями, из которых сложена стена, забивает их мелкими камешками и песком и, таким образом, цементирует стену, делает ее крайне устойчивою, могущею выдержать самые сильные горные потоки и сохранить созданную на участке почву. Затем в обгороженный участок загоняет на ночлег скот, который и удобряет почву. Это продолжается несколько лет. Если хозяин участка пожелает по возможности скорее привести участок в такой вид, чтобы получать с него доход, то он приносит большею честью на себе, снизу, из долин черную землю и покрывает ею участок. Сначала такой участок запускается под траву. Трава на нем родится низкая, не выше фута, но за то густая как щетина на щетке, так что в нее трудно просунуть руку. Собирается трава три раза в год. Сено в горах ценится чрезвычайно высоко и участок в одну четверть десятины дает сена не менее как на 60 рублей. Вообще участки удобной земли в горах крайне мелки. Больше четверти десятины участки встречаются крайне редко и чем дальше в горы, тем участки меньше. Нередко участки встречаются не более обыкновенной величины средней комнаты. Земли удобной здесь очень мало и она ценится чрезвычайно дорого. двор, имеющий полдесятины пашни, считается вполне обеспеченным; выше начинается уже богатство. Десятина пашни (конечно, обыкновенно в нескольких клочках) стоит до тысячи рублей. Мне передавали, что один горский аристократ, получив в наследство несколько участков, составлявших в общей сложности около *четырех* десятин, продал их и на вырученные деньги купил на плоскости *четыре*ста десятин земли, и у него еще остались деньги. И это совершенно понятно, так как в Терской области, на плоскости, цены на землю не выше *десяти* рублей, в Нальчикском округе еще недавно земли продавались по *пяти* рублей, а в Хасав-Юртовском округе еще в 1883 году заключались сделки по *четыре* и даже *три* рубля за десятину, покрытую лесом.

Сеют в горах на искусственно созданной земле обыкновенно ячмень и просо. Другие хлеба не рождаются. Почва удобряется очень тщательно навозом. Кроме того, устроено искусственное орошение. Орошение часто устраивается обществом. Условия местности

иногда не позволяют проводить оросительные каналы по земле и тогда их устраивают на воздухе, сооружая из дерева громадные желоба. Это имеет место, например, в Балкарских обществах (Нальчинского округа). Там, где орошение общественное, наблюдатель встречается с очень оригинальными картинами. Обыкновенно, когда русский приезжает в горский аул, что бывает вообще редко, — его окружает всегда толпа аульных жителей. Объясняется это как любопытством этих «детей природы», так и тел обстоятельством, что хозяин, у которого останавливается проезжий, для соблюдения обычая гостеприимства, обязательно режет барана и в съедении этого барана имеют право принять участие все обитатели аула. В аулах *балкарцев* (маленький народец, живущий неподалеку от Нальчика), такие любопытные летом собираются смотреть на приехавшего непременно с заступами в руках. Время от времени отдельные члены толпы собравшихся удаляются куда-то и затем снова появляются лишь через некоторое более или менее продолжительное время. Оказывается, что весною и в начале лета балкарцы, куда бы они ни шли, что-бы ни делали, непременно имеют при себе заступы. Дело в том, что в это время производится орошение пахатных полей, имеющее громадное значение для урожая; так как каждый член общества имеет право только в течении определенного времени пользоваться, водою из общего канала для орошения своего поля, то он и носит при себе постоянно заступ и, где-бы и за каким-бы делом ни застало его наступление момента, с которого начинается его право на воду, он тотчас-же устремляется к каналу и пускает из него воду на свои клочки земли. Неудивительно, что при тщательной обработке (рукою, заступом) земли, при постоянном удобрении и орошении, урожаи получаются здесь очень значительные — до сам 20. Тем не менее, ничтожные клочки земли не могут прокормить население и оно принуждено прикупать хлеб на плоскости...

Из этого краткого описания состояния земледелия в горах читатель может видеть, сколько справедливости в обвинениях горцев в лени. Вместе с тем, я полагаю, читателю становится понятным, что, создавая себе на голых скалах землю исключительно своим трудом, буквально до кровавого пота, горец должен страстно привязаться ко своей земле. И если тем не менее, он покидает ее и идет заведомо на страдания в Турцию, то причина тому уж во всяком случае заключается не в его лени.

VI.

Во время моего пребывания в Терской области, меня страшно поразила взаимная ненависть, которую питают друг к другу два главные элемента населения области — казаки и туземцы, ненависть эта проявляется в чувствах и воззрениях казаков и туземцев и в тысячах столкновений тех и других друг с другом. Для казака туземец является не человеком, а так «тварью» какою-то, церемониться с которою решительно нет никакого резона. В свою очередь и туземец видит в казаке только «неверную собаку». Стычки и столкновения между казаками и туземцами — самое обыденное явление здесь. Встреча казака с туземцем где-нибудь в поле, или нескольких казаков с туземцем и нескольких туземцев с казаком — редко обходится без истории: самое меньшее, если в этом случае произойдет драка и избивание слабой стороны, а сплошь и рядом случается убийство. Убийство здесь вообще настолько заурядное явление, что к нему решительно все привыкли и оно не вызывает ничего удивления. Истина заставляет сказать, что казаки, как поставленные в привилегированное положение, пользующиеся поддержкой администрации и сделанные даже в некотором роде начальством над туземцами вообще, гораздо чаще злоупотребляют силою и проявляют по отношению к туземцам невероятное нахальство. Само собою, что это ужасно возбуждает и озлобляет туземцев и они мстят казакам при всяком удобном случае. Кроме мелких стычек и столкновений, имеющих место ежедневно повсюду, во время моего пребывания летом 1883 года в Терской области, здесь произошел целый ряд очень крупных столкновений и недоразумений между обоими половинами населения, столкновений, которые еще более разожгли их

взаимную ненависть. Я остановлюсь на некоторых из этих печальных фактах, чтобы рельефнее выяснить отношения, сложившиеся здесь между казаками и туземцами.

Недалеко от Владикавказа находятся, по соседству друг с другом, казачья станица Архонская и осетинское село (аул) Тулатовское. Земли этих обществ разделяются р. Тереком: по правому берегу тянется земля Тулатовского общества, а по левому — земля архонских казаков. Несколько лет тому назад Терек — как это здесь бывает часто — изменил свое течение в сторону земли архонцев и отрезал от нее кусок в 200 десятин, которые в настоящее время прилегают к земле тулатовского общества и отделяются от последней старым руслом Терека. Чтобы обрабатывать эту землю, казаки должны переезжать Терек, что сопряжено с большими неудобствами во время половодья. В виду такого неудобства, а также в виду избытка земли, архонцы отдали этот кусок земли в аренду осетину-кулаку, жителю Тухатовского селения, некоему Бадоеву. Арендатор выговорил право соединить арендуемый им участок с общим владением архонцев посредством моста и взимать деньги за проезд. Нужно заметить, что тулатовцам отвели лесной участок за Тереком и, чтобы пользоваться этим лесом, им приходится переезжать бурную реку в брод. Бадоев, пользуясь тем, что проезд в брод через Терек во время весенних половодий сопряжен с большим риском, объявил своим односельцам - тулатовцам, что если они желают пользоваться правом проезда через его мост, то каждый «дым» должен доставить ему, Бадоеву, по 1 сажени хворосту и платить по 1 мере пшеницы. Сажень хворосту стоит 4 рубля, а мера пшеницы — 1 руб. 20 коп. — что составит с «дыма» 5 р. 20 коп., а со всего селения (120 дымов) — 624 рубля. Эту контрибуцию тулатовцы платили Бадоеву до тех пор, пока не сообразили, что им выгоднее иметь свой мост, и решились выстроить таковой всем обществом. Для этой цели они выбрали место повыше моста Бадоева, где издавна пролегал проселочная дорога, шедшая через Архонскую станицу в лес, отведенный тулатовцам. Весною 1883 года мост этот был готов и стоил жителям Тулатовского общества во много раз дешевле того, что они платили Бадоеву: именно каждому дыму пришлось доставить 2 арбы хворосту и на 10 дымов по одному бревну в 1 р.30 коп. Бадоев, который таким образом с постройкой общественного моста лишился солидного дохода, стал подстрекать архонских казаков, чтобы они воспретили тулатовцам проезжать через свою землю в том случае, если последние будут иметь свой мост. Казаки 12 мая приехали целым кагалом к мосту тулатовцев и не только воспретили по нем проезд, но и угрожали разбросать самый мост. Некоторые тулатовцы, ехавшие в этот день в лес вынуждены были возвратиться назад, во избежание столкновения с казаками. 15 и 16 мая, во время коронационных празднеств, тулатовцы постановили в память этих дней позволить горцам, гнавшим свои стада в горы на лето, перегнать бесплатно через мост до 12 тысяч овец. Но казаки и тут показали свою власть: они не пропустили ни одной овцы. Таким образом труд тулатовцев по постройке моста оказался совершенно напрасным. Так как к улажению этого дела местной администрацией не принимается никаких мер, то не будет ничего удивительного, если оно окончится резней.

Приведенный факт представляет собою пример так сказать экономического давления, которым казаки хотели насолить «поганой твари». Но сплошь и рядом дело обходится проще. Так, например, в ночь на 20 июля, около Пришибской станицы ехали на базар 5 кабардинцев; пришибские парубки, от 15 до 17 лет, напали на них и ограбили, отняв у них все, что они везли, и даже сняв с них одежду, шапки, бешметы, бурки и проч. Не подумайте, что помянутые парубки — какие-нибудь грабители по профессии! Напротив, это самые заурядные парни, в начале-же следствия сознавшие в грабеже и возвратившие ограбленное, кроме того, что было пропито. Просто их толкнуло на грабеж то соображение, почему-же не ограбить «поганую татарву», раз к этому представляется случай? Туземцы проезжающие чрез станицы, нередко подвергаются бомбардировкам камнями со стороны парубков, опять-таки в силу того же соображения, почему же не поколотить татарву? И колотят. Вот, например, какая история разыгралась прошлым летом в Умахан-юртовской станице. Умахан-юртовская станица расположена на берегу р.

Сунжи, на которой существует мост. Станица находится между аулами Брогуны и Гудермес. В Брогунах живет известный своею ученостью мулла, который образовал там маленькую аудиторию для *муталимов* (учеников), из разных мест Кавказа стекающихся сюда для изучения корана и вообще правил мусульманской веры. Так-как муталимы в большинстве случаев дети круглых бедняков, то они, чтобы поддержать свою труженическую жизнь, периодически отправляются по окрестным аулам и там собирают подаяние от своих братьев по вере. Партия таких муталимов, возвращаясь из аула Гудермес в Брогуны через помянутый мост, повстречалась с двумя казаками, шедшими в станицу с рыбной ловли. Казаки, заметив нищенский вид оборванных муталимов сперва подняли их на смех, а потом один из них подставил ногу одному оборвышу, который растянулся на мосту. Старший из муталимов, видя обиду своего товарища, подошел к неосторожному шутнику и, хотя он не знал ни одного слова по русски, однако, схватив его за грудь, мимикой требовал удовлетворения-

Но казак, в свою очередь, держа одною рукой за ножны кинжал муталима, другой запалил ему в ухо. Муталим ответил тем-же. В то время другой казак вытащил кол из ближайшего плетня, зашел сзади к муталиму и нанес ему в голову такой полновесный удар, от которого последний присел на колени. Когда муталим почувствовал, что из полученной им раны течет по лицу его кровь, то он точно уязвленный змеей — выхватил из ножен кинжал и нанес две раны своим противникам: одному в ногу, а другому в руку. Раздались призывные голоса о помощи, поднялась общая суматоха, вслед за этим шум и крик: наших режут! Народ, работавший на токах, и праздный люд, шатающийся по станице, пустился бежать к мосту, откуда неслись голоса о помощи; кто бежал с граблями в руках, кто с вилами, а некоторые и с ружьями. Маленькие муталимы оставались все это время простыми свидетелями, но, видя приближение толпы казаков, в испуге бросились бежать в разные стороны. Приближающаяся-же толпа, не понимая в сущности ни повода ссоры, ни ее последствий, но видя убегающих туземцев — пустилась за ними в погоню и по мере того - как настигала кого-нибудь из отступающих неприятелей, била его нещадно по чем попало и как попало. В это время было сделано даже несколько выстрелов, которые к счастью никого не зацепили. Но все-таки на поле сражения после этой травли оказался старший муталим с пробитым черепом и на краю могилы, трем-четырем его товарищам перебили по несколько ребер и все они доставлены в станичное правление в полном безпамятстве. Что-же касается до казаков, то один из них находится в положении опасно больного, а товарищ его отделался пустой раной¹.

Еще более рельефный факт имел место в г. Грозном. Сюда на местный рынок, постоянно привозятся из окрестных аулов сельские произведения. Обстоятельство это очень не нравится казакам соседних станиц, тоже поставляющим на грозненский рынок сельские произведения, а также и местным торговцам. К этому присоединяется еще общее враждебное отношение русских и чеченцев друг к другу. И вот не проходит ни одного базара без мелких стычек и столкновений между представителями обоих элементов населения. 15 августа столкновения эти завершились громадным побоищем. Дело началось, как и всегда, с пустяка. Один чеченец обменял часть привезенных им на базар дров на арбузы, одна часть которых лежала на телеге, а другая возле нее. Забравши с телеги арбузы, чеченец хотел-было забирать и те арбузы, которые лежали возле телеги, полагая, что они пошли в обмен, но продавец — русский, видя это, ударил чеченца кулаком в лицо; таков здесь разговорный язык с туземцами. Стоявший возле другой чеченец, — товарищ побитого, дал в свою очередь удар горожанину. Вслед за этим началась общая свалка. Вооружившись кинжалами, как чеченцы, так и русские, бросились, к месту катастрофы; кулачные и палочные удары сыпались градом; пыль, топот и крик, все смешалось в невообразимом хаосе, и только энергичное вмешательство полиции и чеченца — генерала Арцу Чермоева остановило стычку.

¹ «Терек» 1883 г. №102.

Я привел лишь незначительную часть известных мне фактов; приводить все факты нет никакой нужды, так-как мне хотелось только охарактеризовать отношения, существующие между двумя половинами населения Терской области, и полагаю, что для этой цели достаточно приведенных фактов. Отношения эти натянуты и враждебны до последней степени и постоянно грозят перейти в свалку. Невольно возникает вопрос о причинах этой враждебности. Когда я поставил себе этот вопрос и стал собирать данные для его решения, то, по мере выяснения причин существующей розни между русскими и туземцами, я начинал понимать, что те-же самые причины, делая невыносимую жизнь горцев на родине, заставляют их переселяться в Турцию. Одни и те-же ненормальные условия, которыми обставлена жизнь горцев, ставят их во враждебные отношения к казакам и вместе с тем побуждают их покидать родину. В этих-же условиях — секрет кавказских восстаний.

VII.

Каковы-же причины, поставившие туземцев Терской области и казаков в такое положение, что они постоянно готовы резать друг друга? Среди местных русских обывателей (исключая небольшой группы интеллигенции), и не только их одних, а и среди многих столичных публицистов, наибольшею популярностью пользуются мнения, рассматривающие ныне существующую взаимную вражду казачьяго и туземного населения Северного Кавказа, как остаток прежних военно-враждебных отношений, или как продукт национальной обособленности той и другой половины населения. Мнения эти могут казаться до известной степени основательными лишь до тех пор, пока мы будем ограничиваться рассмотрением положения дела в небольшой области; но раз мы перенесем вопрос на более широкую почву, несостоятельность указанных объяснений вражды между туземцами и казаками станет вполне очевидно.

В самом деле, вражда между туземцами и казаками существует не только в Терской и Кубанской областях, где военные действия окончились не особенно давно, но решительно всюду, даже там, где война с туземцами прекратилась более ста лет тому назад. Так, донские казаки враждуют с калмыками, уральские и оренбургские — с киргизами, казаки сибирских казачьих войск — тоже с киргизами, тунгузами, бурятами и т.д. Здесь, по окончании военной вражды, сменилось уже несколько поколений и самая память о бывшей некогда военной вражде утратилась. А между тем, вражда туземцев и казаков повсюду одинаково сильна и выражается в тех-же самых формах, как и в Терской области, начиная с мелких столкновений, переходя к широко-развитому конокрадству и кончая даже убийствами. Значит это явление представляет собою не переживание прежних военных отношений, а продукт причин более постоянных, существующих доселе. Это, если хотите, война, но уже не прежняя, а *социальная*.

Также несостоятельно мнение, по которому вражда между казаками и туземцами должна рассматриваться как продукт национальной обособленности тех и других. Уже один тот факт, что русские очень спокойно живут рядом с инородцами во многих местах России, совершенно опровергает это мнение. Но в областях, занятых казаками, мы встречаемся с фактом еще резче противоречащим высказанному мнению; я говорю о резко враждебных отношениях, существующих между казаками и переселенцами. Вражда эта особенно сильно проявляется в областях Уральской, Донской и Кубанской и совершенно тождественна, как по существу, так и по формам своего проявления, с враждой казаков и туземцев. В Терской области такой резкой вражды между казаками и переселенцами пока не замечается, так как здесь и самых переселенцев еще очень мало; но в степных станицах этой области, где всего более приютилось переселенцев, начинают замечаться проявления тех враждебных отношений, которые царят во всей силе между казаками и переселенцами в соседней Кубанской области. Для объяснения этого явления уже нельзя ссылаться на национальные особенности, так как и казаки, и переселенцы принадлежат к одной и той-

же народности. Очевидно, что причины взаимной вражды разных элементов населения не имеют ничего общего с национальностью.

Аналогия между взаимными отношениями казаков и переселенцев с одной стороны и казаков и туземцев с другой дает нам ключ к разрешению вопроса. Сходство между положением туземцев и переселенцев по отношению к казакам состоит исключительно в том, что как переселенцы, так и туземцы поставлены в несравненно менее выгодные экономические условия, чем условия экономической жизни казаков. Это сходство положений туземцев и переселенцев влечет за собою и сходственные последствия в виде одинаковых отношений первых и вторых к казакам. Об экономическом положении здешних переселенцев мне уже приходилось говорить на страницах «Дела»¹. Что-же касается туземцев, то нижеследующие данные могут дать понятие об их экономическом положении, сравнительно с положением казаков. По положению 23 апреля 1870 года казаки должны были быть наделены землею в размере 30 десятин на душу мужеского пола. В действительности-же, казаки Терского войска получили несколько менее указанной нормы, именно по 24 десятины *на душу*. В то-же время при устройстве поземельного быта туземцев на плоскости, они наделялись землею в размере лишь 12 - 18 десятин *на дым*². Что-же касается туземцев, живущих в горах, то им принадлежат лишь самые небольшие клочки земли, о чем уже было говорено выше. В Кубанской области казаки получили полный 30 десятинный душевой надел; в то-же время черкесы наделены по 7 десятин на душу и притом преимущественно никуда негодными плавнями по Кубани. В Донской области, где казачий надел еще выше, у калмыков отрезаны громадные пространства и обращены в общий войсковой юрт; этим путем калмыки крайне стеснены в землепользовании и принуждены сократить до *minimum'a* свое скотоводство, основу всего своего благосостояния. В Оренбургской губернии отрезки земли киргизов происходили несколько раз. Кроме того здесь, казаки самовольно захватили до 3.000.000 десятин киргизской земли; дело об этом захвате тянулось очень долго и кончилось возвращением киргизам 1 миллиона десятин земли и оставлением остальных двух миллионов во владении казаков. Все эти однородные факты ясно показывают, с какими неравными силами должны бороться туземцы и казаки на экономической почве и в чью пользу должен быть перевес. И действительно, факт экономической зависимости туземцев от казаков очень распространен. Прежде всего, эта зависимость отражается на рынке, где туземец, побуждаемый нуждою, должен продавать свои произведения ниже их действительной стоимости и ниже цен, получаемых казаками. Затем туземцу приходится продавать свой труд казаку, тогда как обратное явление может встретиться лишь как крайне редкое исключение. Наконец, туземцы, нуждаясь в земле, вынуждены брать в аренду земли казаков и вследствие того поступать еще в большую зависимость от последних. Аренда туземцами казачьих земель очень распространена в Кубанской и в Терской областях. Даже станицы, наделы которых признаются крайне неудобными, сдают землю туземцам; так например, у Галашевской станицы (Владикавказского округа), не могущей прокормиться от своего надела и потому получающей «паек», арендуют землю до 200 дымов туземцев.

Не удивительно, что при такой экономической зависимости одной части населения от другой, отношения их друг к другу обостряются и приводят к крайне печальным результатам. Это общий факт, имеющий место всюду, где средства к жизненной борьбе распределены неравномерно, — и к чему может приводить подобное положение вещей, ясно показывает чрезвычайно широкое распространение за последние годы аграрных преступлений во внутренних губерниях России.

¹ 1883 г., №12

² "Дым" - семья, но обыкновенно семья родовая, большая, состоящая из нескольких мелких семей, связанных кровными узами.

К этому в Терской области присоединяется неудачное расположение населенных мест. Область населялась исключительно сообразно с военнoстратегическими целями; неудивительно, поэтому, что когда пришлось перейти к мирной жизни, многие поселения оказались совсем не у места. Всматриваясь в карту населенных мест Терской области с обозначением прирезанных к ним наделов, невольно поражаешься неудачным положением первых относительно вторых: наделы разных поселений нередко тянутся на далекое расстояние узкими полосами, окружают друг друга и врезаются одни в другие, переплетаются и т.д. Нечего и говорить, что здесь постоянный источник ссор, споров, недоразумений, неудовольствий и вражды.

Такова основная причина враждебных отношений казаков и туземцев — экономическая. Ею одною, однако, суть дела не исчерпывается, и рядом с этою причиною действует целый ряд других, менее важных, но действующих все в одну и ту-же сторону возбуждения розни между казаками и туземцами. Такими причинами являются особенности горского сельского управления, оригинальное отношение представителей полиции и судебной следственной власти к преступлениям против личности туземцев, странный порядок ответственности туземцев за преступления, правила об обезоружении туземцев, отсутствие школ для туземцев и т.д. Все эти причины ставят туземное население в какое-то особенное, исключительное положение, невольно приводящее к разрыву между туземцами и русскою частью населения.

Собственно говоря, поставить какую-нибудь часть населения в исключительные общественные условия значит неминуемо раздражить эту часть населения против остальной массы и наоборот. Поставленная в исключительные условия часть населения неминуемо должна чувствовать себя особенною от остального населения, а свои интересы не только не солидарными с интересами остального населения, но и прямо противоречащими им. В свою очередь и остальная масса населения неминуемо должна видеть в обособленной части населения нечто, чуждое себе; исключительные меры, принятые по отношению к одной части населения, неизбежно заставляют прочее население относиться к ней враждебно. Это одинаково справедливо как относительно того случая, когда исключительные условия благоприятны той части, к которой они относятся, так и в случае их неблагоприятности. Когда действие общих законов нарушается в пользу или ущерб части населения, эта часть необходимо должна сделаться подозрительною в глазах остального населения и, в свою очередь, стать враждебною ему, или из боязни за свои привилегии, или из ненависти за права, которых она лишена и которыми пользуется остальное население. Это именно имеет место в Терской области, благодаря целому ряду особенностей положения туземцев сравнительно с положением другой части населения — казаков. Первою такою особенностью является «Положение об аульных обществах». В то время, когда русское население *выбирает* свободно из своей среды сельского старосту или станичного атамана, аульные старшины *назначаются* начальством. Аульный старшина, по «Положению», пользуется очень широким объемом власти. Он обязан по делам полицейским — объявлять правительственные распоряжения и наблюдать за распространением подложных указов и вредных слухов; заботиться о сохранении порядка и безопасности лиц и имущества, а также принимать меры для восстановления нарушенного порядка; задерживать бродяг и беглых; доносить о самовольно отлучившихся из общества; принимать меры к предупреждению преступлений, а также открывать и задерживать виновных в преступлениях и приводить в исполнение приговоры аульного схода. По делам общественным, аульный старшина созывает и распускает аульный сход и охраняет порядок на нем; предлагает на рассмотрение схода вопросы; наблюдает за деятельностью прочих аульных должностных лиц, за целостью меж и межевых знаков, за исправным содержанием дорог, мостов и проч., за исправным отбыванием жителями повинностей, за порядком в училищах и других общественных заведениях, за торговыми заведениями и вообще за торговлей, за составлением камеральных списков; понуждает к исполнению условий и договоров, заключенных

жителями; заведует общественным хозяйством и общественными суммами и охраняет от растраты имущества неисправных плательщиков. Наконец, аульный старшина обладает еще дисциплинарною властью: ему предоставлено право, за маловажные проступки, подвергать виновных назначению на общественные работы на время до двух дней, денежному взысканию до одного рубля или аресту до двух дней. Такие сложные обязанности, возложенные на аульных старшин, и такие широкие права, какие даны им, требуют в лице, занимающем эту должность, соединение самых разнородных качеств. Избранник должен обстоятельно и всесторонне знать все местные обстоятельства и условия, должен пользоваться уважением населения и влиянием в среде, должен, наконец, отличаться личными высокими качествами. Несомненно, что лицо, представляющее в своей персоне все необходимые условия, встречается лишь как редкое явление. И несомненно, что отыскать такое лицо всего менее может полицейская власть.

В самом деле, назначение аульных старшин всецело зависит от участковых приставов. Иного порядка вещей быть не может. Ни начальник округа, ни, тем более, начальник области, по сложности и разносторонности своих обязанностей, не могут знать, какие лица в каком ауле могут быть кандидатами на должности аульных старшин. Но могут-ли это знать участковые пристава? В ведении пристава находится целая масса поселений и ознакомиться обстоятельно со всем подчиненным ему населением приставу невозможно даже после многих лет пребывания на одном месте; по необходимости ему приходится ограничиваться ознакомлением с лицами, с которыми сталкивается его исполнение его обязанностей. Между тем характер деятельности пристава таков, что контингент лиц, с которыми ему приходится сталкиваться, всего менее может поставлять кандидатов в хозяева аулов. То обстоятельство, что данное лицо оказало приставу услугу в кругу его деятельности и тем привлекло к себе его особенное внимание и даже симпатии, скорее может служить указанием на непригодность этого лица к исправлению столь важной для населения должности, как должность аульного старшины, и уж во всяком случае не может служить гарантией обладания данным лицом нужными для этой должности качествами. А между тем пристава необходимо должны искать кандидатов на должности аульных старшин именно в среде таких лиц, как потому что с лицами другого рода им приходится знакомиться очень мало или даже совсем не приходится знакомиться, так и в силу того психического закона, по которому мы человека, пригодного к близкому нам делу, считаем пригодным и ко всякому другому. Да, наконец, что такое участковые пристава? Это те-же становые, те-же «куроцапы», только с более широкою властью, и с большею фанабериею, с большим нахальством и с большим невежеством. Умственное развитие их крайне ничтожно; нравственных понятий не имеется никаких. Для оценки людей у них свой крайне своеобразный масштаб. Неудивительно, что они назначают старшинами просто отребье горских обществ.

Ко всему этому присоединяется еще очень важное обстоятельство. Назначение аульных старшин вызвано желанием иметь в аулах своих людей, могущих предупредить правительство о враждебных замыслах и бунтовщических намерениях туземного населения. Это источник, из которого возник существующий порядок назначения аульных старшин, и главный мотив, в силу которого этот порядок поддерживается доселе. Дело в том, что до сих пор царит взгляд, по которому туземное население рассматривается как скопище бунтовщиков и разбойников; до сих пор не хотят понять, что масса туземного населения представляет собою тружеников, какие составляют большинство всякой народности; до сих пор не сделалось общим достоянием то простое соображение, что если в туземном населении, как и во всяком другом, могут встречаться беспокойные головы, то делать ответственным за них все население и несправедливо, и нецелесообразно. И вот под влиянием этих печальных недоразумений старшинами нередко назначаются лица, заявившие себя лишь доносами на своих соплеменников, доносами, сплошь и рядом совершенно неосновательными и вызванными лишь желанием получить вознаграждение.

Последствия такого порядка вещей крайне печальны. Недовольство аульных обществ своими старшинами — факт положительно общий. И это недовольство вполне понятно, так как в старшины обыкновенно попадают лица, занимавшие до того последнее место в обществе, лица, презираемые или ненавидимые всем обществом, лица, у которых в прошлом лишь несколько доносов или даже просто воровская практика. Аульные старшины сплошь и рядом совершают самые невероятные злоупотребления своею широкою властью, или мстя своим врагам, или укрывая преступление; случается, что они состоят членами воровских шаек и безнаказанно совершают самые дерзкие грабежи. И так как эти старшины назначаются представителями русской власти и ею поддерживаются, то неудивительно, что ненависть туземного населения против старшин переносится и на русский режим, который кажется туземцам воплощением насилий и беззаконий. Пользуясь своею властью, старшина может буквально отравить существование целого аульного общества, и вся горечь и злоба, которые накопятся в таком обществе, всецело падают на русских.

С другой стороны, туземцы, видя возле себя русское население, пользующееся большею самостоятельностью в своих внутренних делах, невольно начинают чувствовать себя в бесправном положении и завидовать своим соседям. Подобное неравенство особенно сильно отзывается на туземцах при том развитии чувства собственного достоинства, какое мы замечаем у кавказских народов. Вместе с тем и русское население начинает свысока относиться к туземцам, как к людям, которым не доверяют власти, и которые, вследствие того, как-бы поставлены ниже русского населения. Понятно, что это только подливает масла в огонь.

К еще более печальным результатам приводит отношение власти к случаям нападения на личность туземца. Когда на казачьей земле находят труп убитого туземца, то власти, от которых зависит первоначальное дознание, всегда склонны объяснять причину убийства или самообороной казака, или же тем, что туземец был застигнут на краже, и дело, получив с первого-же раза такое неправильное направление, представляется впоследствии судебным следователем к прекращению. Таким образом до сих пор убийства горцев казаками оканчивались почти всегда ничем благодаря чему среди казачьего населения установился взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен. Между тем, при существующей кровной мести у туземцев, родственники убитого, считая себя неудовлетворенными, являются мстителями за своего сородича и обыкновенно подстреливают казака той станицы, где пал их сородич. Это вносит в среду казачьего населения понятное чувство раздражения против горцев и казаки, в свою очередь, ждут счастливого момента ухлопать туземца. Получается, таким образом, какой-то заколдованный круг, из которого нет и не будет выхода до тех пор, пока не станут видеть в горах людей и поданных русского государства, а не зверей, которых можно истреблять совершенно безнаказанно.

Но если преступления против личности туземцев, в большинстве случаев, остаются безнаказанными, то совсем иначе стоит дело относительно преступлений, которые совершены или предполагаются совершенными туземцами. Ответственность туземцев Терской области за преступления обставлена такими условиями, которые не имеют ничего себе подобного на всем протяжении российской империи. Порядок, установленный законом для раскрытия преступников, привлечения их к ответственности и наложения самой ответственности, редко применяются по отношению к туземцам. Ответственность туземцев определяется совершенно особыми началами, которые могут быть сведены к двум следующим основным пунктам: 1) всякий раз, когда совершится какое-либо преступление в области и в каком-бы месте оно ни совершилось, предполагается, что оно совершено непременно туземцами, а никак не русскими, и 2) за всякое преступление отвечают все живущие вблизи места его совершения туземцы, за круговую порукою, как в том случае, когда виновник преступления не открыт, так и тогда, когда он открыт, но не имеет средств пополнить причиненный им убыток. На этих началах основаны особые

административные «правила», которые заменяют по отношению к туземцам «Судебные Уставы» и сущность которых состоит в следующем.

Все дороги области разделяются на участки и к каждому из этих участков приписываются аулы, которые и подвергаются ответственности - в виде штрафов, содержания караулов и административных ссылок — за всякий случай убийства, разбоя или грабежа, происшедший на приписанном участке. Проходящая по области ростово-владикавказская железная дорога тоже разделена на участки и к каждому из них приписаны аулы, которые и обязаны заботиться о целостности и неповрежденности пути, для каковой цели аулы содержат на свой счет особую стражу. Если преступление совершится внутри аула и виновный не будет открыт, то ответственности подвергается весь аул. В случае воровства из русских поселений и с полей скота или другого имущества, когда следы доводят до юрта какого-либо аула, старшина последнего обязан принять следы и вести их далее. Когда следы кончаются на юрте какого-либо аула, жители последнего обязаны за круговую порукою уплатить всю стоимость украденного. Если по совершении кражи из русского поселения или с принадлежащего ему юрта следы не могут быть открыты, ответственности подвергаются окрестные аулы, для чего последние расписаны по группам с обозначением, какие аулы за какие русские поселения отвечают. Когда виновный в краже будет обнаружен, взыскание всех причиненных им убытков обращается на его имущество; если же последнего будет недостаточно, то взысканию подлежит имущество ближайших родственников последнего, и наконец, в случае их несостоятельности, взыскание налагается на все аульное общество, к которому принадлежит виновный. Таков habeas corpus Терской области.

Само собою разумеется, что странный взгляд, по которому, все преступления в области приписываются исключительно туземцам, не имеет решительно никаких оснований. Русские, живущие здесь, далеко не ангелы и тоже не прочь и поживиться на счет чужого добра, и пырнуть стгоряча ножом. В последнее лето здесь бывали очень характерные в этом отношении случаи. Так например, казаки одной станицы (кажется Калиновской) подняли однажды ночную тревогу, полагая, что чеченцы похитили у них скот. В подобных случаях, как водится, преследуют врагов ружейной пальбою. Одного из хищников зацепила пуля. Но каково было удивление всех, когда кровавый след привел казаков в дом своего одностаничника, оказавшегося раненым, и в особенности, когда этот последний сознался, что он совместно с тремя другими товарищами, совершил помянутый угон скота. Значит, соседнее туземное население, только благодаря счастливой случайности, избавлено от лишнего поклепа и нареkania и, что самое главное, — от тяжелых последствий круговой ответственности. Другой случай: в станице Сунженской разводчик ночных секретов был убит своими-же казаками на воровстве. Желая совершить кражу, разводчик оставил одно место открытым и без дозора, а казаки, вспомнив, что не поставлен секрет, засели там и самовольно стали стеречь. Когда вор гнал через это самое место скотину и когда после опроса кто идет, вор бросился бежать, то был убит наповал. В убитом воре казаки узнали на утро своего, разводчика¹. Факты эти далеко не единичны. Конокрадство и (скотокрадство) - это страшное зло сельской жизни Северного Кавказа организовано так удачно, что в нем с успехом подвизаются представители всех живущих здесь национальностей. Напр.. лошадь, украденная в калмыцких степях, передается через русские селения Ставропольской губернии и казачьи станицы Кубанской области за Кубань, и наоборот из Кубанской области ворованные лошади переправляются через Ставропольскую губернию в Астраханскую: в этой воровской корпорации принимают одинаковое участие закубанские черкесы, казаки, крестьяне и калмыки. В таком-же отношении друг к другу стоят ногайцы, казаки, ингуши и другие туземцы Терской области. Между тем все эти факты совершенно игнорируются и вопреки им вся ответственность за

¹ «Терек» 1883 г., № 102.

преступления в Терской области ложится исключительно на туземцев, что бьет их и морально, и материально.

Исключительный взгляд на туземцев, как на воров и разбойников по преимуществу, влечет за собой крайне печальные результаты. Русский, совершая преступление, может всегда надеяться, что он избегнет наказания, так как он знает, что подозрение в совершении преступления падет прежде всего на туземцев и именно в эту сторону направятся розыски. Не трудно представить, какое развращающее влияние на русское население оказывает эта уверенность в возможности скрыть следы преступления и свалить его на туземное население. Вместе с тем в среде русского населения неизбежно должно развиваться высокомерное отношение к туземцам, как к чему-то низшему, поставленному в безправное положение. Что-же касается самих туземцев, то сознание, что ко всем им поголовно относятся как к ворам и разбойникам, едва-ли может содействовать развитию в них нравственности. В русском населении они должны видеть какое-то привилегированное сословие и неизбежно питать к нему враждебные чувства. Неизбежные, при существующем порядке розыскания преступников, случаи, когда туземцам приходится отвечать за преступления, заведомо совершенные русскими, неминуемо будут возбуждать в туземном населении крайне печальные мысли о справедливости русских законов и равноправности подданных Российской империи.

Еще менее может быть оправдано введение круговой ответственности за преступление. В самом деле, чем виновато известное туземное общество, что на земле его или соседнего аула или даже в соседнем русском поселении совершилось преступление? Создавая круговую ответственность туземцев, хотели заставить их выдавать преступников. Но, во 1-х воры не всегда так просты, что о совершенных ими преступлениях непременно знают их соседи. Во 2-х, лицо, к которому переходит административная власть туземного общества и которое производит первоначальные, розыски — старшина — выбирается не обществом, и потому нередко его интересы не только не совпадают с интересами общества, но бывают и прямо противоположны им: иному старшине выгоднее не отыскивать вора. В 3-х, каким образом известное общество может знать, что делается в соседнем ауле; а между тем оно должно отвечать даже и в том случае, когда преступник принадлежит к соседнему обществу? Наконец, в 4-х, с какой стати туземцы станут выдавать преступника, когда им, во всяком случае, приходится отвечать за преступление, если даже виновник открыт? К тому-же все эти экстраординарные меры, направленные против туземцев, невольно сплачивают их, как и всех гонимых, и заставляют их питать к русской власти недобрые чувства, и понятно, что при таких условиях выдача русской власти туземцами своего единоплеменника должна являться в их глазах преступлением.

Чтобы еще нагляднее представить читателю всю нелепость существования круговой ответственности, я приведу такой гипотетический пример. Представьте себе, что через три дома от вашей квартиры совершена кража, затем чрез несколько дней к вам является полиция и описывает вашу мебель для вознаграждения собственника украденного. Неправда-ли, это такая нелепость, которую трудно даже представить. А между тем такая нелепость имеет место и Терской области ежедневно. Случилась, например, кража в станице А, немедленно-же власти отправляются в соседний аул, хватают там скот и продают на пополнение украденного. Нечего и говорить о том, какие многочисленные и разнообразные злоупотребления возможны при этом. Ценность похищенных вещей всегда является необыкновенно высокою. За лошадь, стоимостью в 30 рублей, взыскивается 100р.

Мне передавали даже случай, когда один обыватель «поправил» свои дела, пользуясь правами об ответственности туземцев. Именно он поджег свой дом, и так как поджигатель не был открыт (!), получил учетверенную стоимость сгоревшего дома, взысканную с соседних туземцев. Представители казачества нередко высказывают претензии на то, что туземцы обложены лишь небольшими налогами в пользу государства; но круговая ответственность, наложенная на туземцев, является самым страшным налогом, какой

только можно придумать. Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой ответственности, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые русским населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев.

Какие последствия имеет подобный порядок вещей, об этом нечего распространяться.

Теперь мы перейдем к очень щекотливому вопросу, возбуждающему много озлобления среди разных элементов кавказского населения, — к вопросу об обезоружении туземцев. Всякий, если не видел, то по крайней мере слышал, что принадлежностью туземного кавказского одеяния является оружие. К оружию кавказец привык до того, что почти никогда не расстается с ним. Мало того, вопрос о ношении оружия является для кавказских горцев вопросом чести и они смотрят на обезоружение, как на обесчещение. Между тем, обезоружение туземцев является давнишней целью деятельности кавказской администрации. Не решаясь, однако, произвести полное обезоружение, а, быть может, и понимая, что такое обезоружение невозможно, администрация довольствуется некоторыми паллиативными мерами, которые, не достигая никакой цели, только бесплодно раздражают туземцев и сеют раздоры между ними и казаками. Именно туземцам Терской области предоставлено носить оружие только в пределах земельных юртов: на землю-же казачьих станиц или в город они могут являться только безоружные. Несоблюдающих эти правила полиция должна арестовывать. Отобрание у туземца оружия в силу этого правила - явление заурядное, причем туземцам не возвращаются даже ножны и ручки кинжалов, не редко богато обделанные. В полицейских управлениях навалены целые кучи кинжалов и пистолетов, отобранных у туземцев, причем, конечно, в кучках этих лежит одна дрянь, а порядочное оружие исчезает неизвестно куда. Право обезоружения туземцев почему-то представлено и всем казакам, что ведет к постоянным стычкам и даже убийствам. Бывают случаи, когда даже казачки принимают на себя обязанности обезоруживать туземцев. При существующих у горцев понятиях о женщине и взгляде их на обезоружение, подобные случаи неминуемо всегда должны вести к катастрофам. Если к этому прибавить, что и то время, как туземцы обезоруживаются, другой элемент населения области, казаки, сохраняет право свободного ношения оружия, то будет вполне понятно, сколько ненужного зла и страданий причиняют правила о ношении туземцами оружия, сколько несчастий вызывают они и как отравлена ими вся жизнь туземцев.

Необходимость обезоружения туземцев доказывается тем, что с проведением этой меры будто-бы уменьшится число преступлений в области: при горячем темпераменте туземца и при существующих здесь вредных обычаях (напр. кровавой мести) — говорят сторонники обезоружения - истинным несчастьем является то обстоятельство, что у туземца всегда под руками оружие: отнимите его и вы тем во много раз уменьшите число преступлений в крае. Мнение - детски-наивное, чтобы не сказать хуже. Дело ведь именно в «темпераменте» туземцев и господстве у них вредных обычаев, а не в том, что у туземца у пояса болтается кинжал. С обезоружением темперамент и вредные обычаи не исчезнут, а останутся те же; значит не уменьшится и число преступлений. Теперь идет в ход кинжал и пистолет, — тогда пойдут топор, кол и др. — в этом вся разница. Причины кровавых преступлений, имеющих место в области, таятся глубоко в условиях жизни населения и особенностях его характера; и только с изменением этих условий и с улучшением народного характера уменьшатся и преступления.. Улучшите экономическое положение населения, не раздражайте его мелочной и ненужной опекою, устраните вражду между разными элементами населения, распространите среди туземцев образование, и при его помощи выведите вредные обычаи и смягчите «темперамент» - и тогда ужасный кинжал будет болтаться у пояса всякого кавказца, как самое безвредное украшение.

Таковы, в самом общем виде, важнейшие причины существования враждебных отношений между двумя половинами населения Терской области. Причины эти, отравляя каждую минуту существование туземцев, делают буквально невозможной для них жизнь на родине и заставляют их бежать в Турцию, что положительно равняется самоубийству.

Такое положение вещей, всего менее желательное для России (достаточно, казалось-бы, одного обезлюдения Крыма и всеобщих сожалений о выселении отсюда татар), создано совершенно искусственно, является продуктом грубого непонимания интересов России на Кавказе, а во многих отношениях и прямых злоупотреблений, и может быть легко изменено к лучшему, лишь-бы была на то охота. Причины, создавшие существующее ненормальное положение дела на Кавказе — дело рук человеческих и теми-же руками они могут быть устранены.

Остановимся, например, на основном зле, на экономической необеспеченности туземцев. Устранить ее вовсе не трудно. Да не подумает, однако, читатель, что я для указанной цели проэктирую отобрание земли у казаков. Отнюдь нет; я не желаю зла ни туземцам, ни казакам, и думаю, что вопрос может быть разрешен безобидно для той и другой стороны. Конечно, теперь, когда значительная часть государственного и общественного земельного достояния на Северном Кавказе сделалась, тем или другим путем, частою собственностью, решение вопроса несколько осложняется. Но и теперь, при существующей и области дешевизне земель, легко произвести выкуп частной земельной собственности для наделения земледельцев, имеющих недостаточное количество земли. Произвести это тем легче, что землевладельцы Терской области вовсе не держатся за свои земли и при всяком удобном случае охотно продают их в другие руки.

Вопрос о выкупе частных земель для наделения земледельцев стоит в России на очереди. Первым шагом на этом пути является учреждение земельного банка для содействия крестьянам в покупке земли. Открытие отделения этого банка в Терской области было-бы истинным благодеянием для края. Несомненно, однако, что, для успеха дела, сообразно с местными условиями, действия отделения должны будут получить специальный характер, наиболее пригодный для намеченной выше цели. Это одинаково относится как до размеров капитала, которым будет располагать отделение и который должен быть очень велик, так и относительно размеров ссуд туземному населению, которые должны равняться полной стоимости покупаемой земли, и, наконец, относительно способов возвращения ссуд, которое должно быть рассрочено на возможно большее время. В виду обостренности вопроса, нужно будет позаботиться о том, чтобы он был решен возможно скорее, и допустить всякие возможные льготы. Необходимо будет также принять специальные меры против возможности повышения цен на землю спекуляциею.

Несомненно, что все это потребует значительных затрат; но так-как благосостояние края невозможно, пока отношения между главными элементами населения не примут нормального характера, и так как в прекращении недовольства туземцев своим положением заключается важный государственный интерес, то никакие жертвы не должны смущать. Они окупятся с лихвою.

Как ни важен вопрос о восстановлении экономической самостоятельности туземцев, удовлетворительное решение его, однако, еще не устранит всех причин ненормального положения дел в крае. Так как большинство этих причин сводится к исключительным мерам, принимаемым по отношению к туземцам, то, для достижения полною умиротворения края, эти меры должны быть устранены и туземное население должно быть поставлено в общие условия. Только пользуясь всеми правами русского гражданина, туземец может примириться с русскими порядками.

Но несомненно, что лучшим средством для ассимиляции туземного населения с пришлым русским и прекращения враждебных отношений между этими двумя элементами народонаселения Кавказа, является, после улучшения общих экономических условий жизни туземцев, распространение среди них образования. Единство экономических интересов и единство образования представляют собою такую почву, на которой смешиваются и слипаются народности с самыми различными этническими особенностями. И в самом деле, с какой стати станут волноваться, восставать против русских или бежать в Турцию кавказские народы, когда им будет хорошо житься под русской властью? В то-же время образование и только образование может дать туземцам

способность понимать, что многие из переносимых ими бедствий, которые они всецело относят теперь на счет своего порабощения русскими, происходят от причин более общего, социального характера, вести борьбу с которыми приходится совсем другим оружием, чем то, которым они привыкли бороться против русских.

К сожалению, на сколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько-же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении нами не сделано еще даже начального шага.

Правда, в некоторых местах (в Осетии), для туземного населения устроено с десяток школ обществом восстановления христианства на Кавказе, а затем существуют особые, специально горские школы. Но и те, и другие нисколько не изменяют общего печального положения дел.

Школы общества восстановления христианства представляют ни что иное, как простые школы грамотности, т.е. такой тип школ, который всего менее вызывает симпатии к себе даже среди русского населения. На Кавказе, среди туземцев, которые, кроме обычного простому народу недоверия к школе, подозрительно относятся к ней, как к русскому учреждению, тип школ чистой грамотности еще менее может пользоваться успехом, чем среди русского населения. Если к этому присоединить неудачную практическую постановку дела в школах общества восстановления христианства, которое (общество) по самому существу, рядом с целями образовательными, преследует в своих школах и другие цели, не имеющие никакого отношения к образованию, то будет совершенно понятно, почему школы «общества» не имеют ровно никакого значения в смысле распространения образования среди туземцев¹.

Еще ничтожнее значение горских школ. Здесь приходится даже отметить очень печальный факт. Если школы общества восстановления христианства бесполезны, зато их можно признать и безвредными (кроме того общего вреда, который они приносят, дискредитируя в глазах туземного населения вообще школьное образование). Относительно же *горских* школ далеко нельзя сказать того-же, они положительно вредны. Горские училища по своим программам ни что иное, как блаженной памяти уездные училища, преобразованные ныне в так называемые городские. Кому известно, какое всеобщее неудовольствие вызывали и вызывают эти училища, как в своем первом издании (уездные), так и реформированные (городские). Не давая никаких практических, пригодных к жизни, сведений, училища эти не дают и законченного общего образования, предлагая взамен того и другого груды отрывков и обломков разных «наук». Вместе с тем, училища эти не стоят ни в какой связи с общею системою образования и потому те из их учеников, которые желали бы продолжить, свое образование, не имеют возможности прямо поступать с вынесенными из училищ знаниями в школы высшего разряда. И этим-то типом школы, окончательно дискредитованным уже среди русских, благодетельствованы туземцы. К тому же простою пересадкою этого школьного типа не ограничились и присоединили к нему еще русские курьезы. Так, например, в нальчикской горской школе цивилизуют диких маленьких кабардинцев *французским* языком. Недостает еще чтоб мальчуганам — туземцам преподавали теорию и практику танцевального искусства и науку о том, «как держать себя в обществе». Впрочем, не официально последняя наука внушается питомцам нальчикской горской школы.

5 — 6 лет, проведенные мальчиком-туземцем в горской школе, - совершенно бесполезно потерянное для него время. Из школы он выходит с таким же пониманием явлений жизни, каким обладал он до поступления в школу, и не выносит отсюда никаких таких знаний,

¹ Чудное вообще это «общество восстановления христианства на Кавказе» и странна его деятельность. Можно-ли поверить, что это общество затратило до 600 тыс. рублей на такое громадное коммерческое предприятие, как орошение Караязской степи? А между тем это так. Казалось-бы, какое отношение между «восстановлением христианства» и сомнительными опытами коммерческих предприятий? Впрочем, Кавказ по преимуществу страна невероятностей.

которые могли бы послужить для него точкою опоры в предстоящей ему жизненной борьбе и которыми он мог-бы принести пользу своим сородичам. Единственное приобретение, которое дает ему школа, состоит в том, что он научается говорить по-русски, но это приобретение не настолько важно, чтобы ради него стоило губить 6 лет лучшей поры жизни и достижимо за меньшую цену.

Правда, при горских школах существуют мастерские для обучения учеников ремеслам и даже агрономические отделения. Но и то, и другое поставлено так неудовлетворительно, что не достигает решительно никаких путных результатов: при мастерских на сотню учеников состоит по одному мастеру, который, понятное дело, может научить немногих и немногому. К тому же обучение ремеслам рассматривается не как нечто важное, заслуживающее особого внимания и стараний, а как в некотором роде «вводный эпизод», который если идет — хорошо, а не идет — так и не надо. Еще курьезнее преподается в горских школах «агрономия»: при школе заводится десяток грядок и садится сотня ростков капустной рассады, — и на таком-то огороде приходится изучать сотне учеников «практические приемы земледелия». Насколько можно понять этот кунштюк, «агрономия», введена в программу горских школ исключительно для увеличения средств содержания гг. зрителей этих школ. Какие при этом возможны курьезы, можно видеть из того, что зритель нальчикской школы (г. Фролков) несколько лет получал по 500 руб. ежегодно за заведывание огородом, стоимостью в 20 рублей. В том же училище из сумм, собираемых с кабардинского народа на технико-агрономическое отделение, платится жалованье учительнице французского языка.

Во время 6-тилетнего пребывания в горской школе, ученик-туземец отвыкает от труда, изленивается, избаловывается и совершенно отчуждается от той среды, из которой он вышел и в которую ему придется возвратиться. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что ученики горских школ живут в устроенных при последних пансионах, где все условия жизни совершенно не похожи на условия жизни трудовой массы туземцев и где ученики превращаются в барчат, пренебрежительно смотрящих на обстановку жизни своих родных и вовсе не желающих обратиться к их трудовому образу жизни. Поэтому самый лучший исход для бывшего ученика горской школы — это забыть все то, что под видом науки набивалось ему в голову в течение 6-ти лет, сбросить налипшую на него за это время грязь якобы цивилизации (вернее — «чихвилизации», как говорят «полированные» казаки) и превратиться в такого же заурядного туземца, каким бы он был, еслиб не поступал в школу. Но этот «лучший» исход доступен только немногим, которых школьная «полировка» не могла окончательно изуродовать. Большинство же предпочитает избегать труда и становится в ряды паразитов: отсюда выходят безграмотные «писаря», городские лакеи и просто шалопаи, живущие всю свою жизнь трутнями. Быть может, лично подобным господам горские школы и принесли пользу, научив их «легким» средствам борьбы за существование, но собственно туземному населению они кроме ущерба, ничего не дают. И потому можно только порадоваться, что во всей Терской области горских школ всего три.

Кроме школ «общества восстановления христианства» и горских школ, были еще и некоторые другие попытки облагодетельствовать туземное население образованием. Так, в Кабарде некогда были устроены три начальные школы, в которые были посажены учительницы и куда ученики сгонялись полицией; но так как эти школы, помимо обучения мальчиков, служили и для другого назначения — быть местом «сладкого отдыха» для лиц начальствующих, то они, возбудив в населении общее омерзение к себе, принуждены были закрыться.

В последнее время явился еще один проект облагодетельствования горцев (собственно кабардинцев) по части образования. Проект этот состоит в превращении нальчикской горской школы в реальное училище. Устраивать реальное училище для населения, которое не имеет буквально *ни одной начальной школы*, — это такая нелепость, которую трудно и нарочно придумать и которая заставляет усомниться даже в нормальном

состоянии умственных способностей авторов проекта. Было бы весьма желательно, чтобы эта дикая затея, исполнение которой потребует больших материальных затрат со стороны и без того небогатого кабардинского народа, (так как проект благодетельствует кабардинцев на их же счет), осталась навсегда в области «баронских фантазий».

В последнее время много тревоги и волнений возбудила среди горцев весть о привлечении их к отбыванию общей воинской повинности. Не то, чтобы горцы боялись военной службы; совсем нет. Во время последней русско-турецкой войны, горцы сформировали на свой счет особые отряды и эти отряды лихо дрались под русским знаменем за Дунаем. Пугает горцев собственно *солдатская* служба, с ее муштровкой и дисциплиной, с ее казарменной жизнью, с затруднениями относительно исполнения религиозных обрядов. Горец, по своему характеру, всего менее способен выносить солдатскую выправку; ему с детства свыкшемуся с лошадьёю, кажется чем-то ужасным служба в пехоте; магометанин — он не может и представить себе, как он будет есть из общего котла с православными солдатами, причем его могут кормить свиным салом. Если вводить воинскую повинность среди горцев, то нужно непременно сделать уступки местным особенностям. Не берут же в строй молокан и духоборцев, а размещают их по нестроевым частям — в обозы, больницы и т.п.; менониты отбывают военную повинность в местных командах, почему же не сообразоваться и с особенностями быта и убеждений горцев, тем более, что при введении воинской повинности при иных условиях, дело не обойдется без печальных последствий? Повидимому проект введения воинской повинности среди кавказских туземцев, действительно принимает во внимание некоторые местные особенности. К сожалению все это дело покрыто почему-то покровом таинственности. Лица, объявлявшие туземцам о привлечении их к отбыванию воинской повинности, как будто чего-то не договаривали, не могли почему-то сообщить подробностей и нередко противоречили друг другу. Все это вызвало вполне понятную тревогу среди горского населения. Вот как описывает один очевидец настоящее настроение горцев: «После объявления горцам, населяющим Северный Кавказ, о привлечении их к отбыванию общей воинской повинности, край непривычно оживился. В каждом из аулов, расположенных на плоскости и высотах кавказского хребта, можно было наблюдать в продолжении долгого времени, изо дня в день с ранней зари и до поздней ночи, густые толпы аульчан всех возрастов, начиная малыми детьми и кончая дряхлыми стариками, стоящими небольшими группами, по 10—30 человек у сакель или у мечетей, шумно и оживленно говорящими о предстоящей реформе. По господствующему разноречию видно было, что лица, объявлявшие горцам о реформе, не стояли на высоте своей задачи: не умели или не хотели ознакомить народ со всею важностью вводимой реформы и с теми видами правительства, которые последнее связывало с применением воинской повинности к горцам. Понятно, формальное отношение людей, стоящих у самого народа, не могло создать истинного понимания горцами важности этой реформы; напротив, породило массу недоразумений, ненужных, а, пожалуй и небезопасных толков, могущих вызвать такие или иные замешательства. Никто из объявлявших реформу не ответил на жгучий для горца вопрос: будет-ли он взят в пехоту или, как лихой наездник, выросший, так сказать, на коне, уйдет на формирование легкой кавалерии, к которой он так сильно тяготеет. Эта же самая недомолвка вызвала обсуждение горцами вопроса, имеющего важное государственное значение, — о выселении в Турцию. В виду того, что некоторые начальники в крае, знающие край только по входящим и исходящим бумагам, явили себя яркими защитниками выселений горцев в Турцию, не мешает припомнить последствия выселения хотя-бы татар из Крыма»¹.

К этому можно прибавить еще одно напоминание: русская политика на Кавказе, также как и в Туркестане, является тем пробным камнем, на котором азиатские народы знакомятся с

¹ «Русские Ведомости», 1883 г., № 321.

русской политикой вообще. И печальные результаты этой политики нанесут такой удар русскому авторитету в Западной и Средней Азии, загладить который не будут в состоянии никакие военные успехи.